Нам 95!

Ровно 95 лет назад, в январе 1926-го, вышел первый номер журнала «Знание — сила». Давно уже не осталось тех, кто мог бы рассказать о работе редакции в довоенные годы. Но есть кому поведать о жизни коллектива журнала в 60-е и 70-е годы, когда журнал стал отдушиной для советской интеллигенции, наряду с «Литературной газетой». Об этом — в воспоминаниях старейшей сотрудницы журнала, редактора отдела истории Галины Петровны Бельской, художника и сценариста, работавшего в конце 70-х — начале 80-х художником-оформителем Гвидона Червинского/Агаянца, а также многие десятилетия сотрудничающей с редакцией ЗС известного литературоведа, доктора филологических наук Мариэтты Омаровны Чудаковой.

ЗНАНИЕ–СИЛА 95

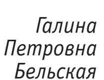
Галина ***Бельская***

Остров *в* океане

Застолья здесь любили. Отмечали все дни рождения, праздники, первые публикации новых авторов. Собирались в честь лауреатов года журнала «Знание — сила».

И каждый из редакции готовил свое любимое блюдо, стол всегда был роскошным. Чудные запахи заполняли подвал от самого входа — и салат свекольный с черносливом, и селедка под шубой, и квашеная капуста, маринованные помидорки, огурчики со своего огорода, пирожки и торты — чего только не было! И, конечно, горячее — кисло-сладкое мясо или итальянская пицца. И хотя анчоусы приходилось заменять килькой в томате, пицца первая «улетала» со стола.

Но при всей любви к вкусной и здоровой пище, застолья любили и так охотно собирались не из-за этого. Уже через каких-то полчаса, еще стол полнился закусками, напряжение дня, его неприятности, обиды, все то мелочное, мелкое, но болезненное, что так портит жизнь,— улетучивалось, глаза прояснялись, светлели, человек словно менял одежду — жесткую, тяжелую — на легкую и уютную. Та «роскошь общения», о которой многие знают лишь на словах, здесь являла себя в полной мере,

Галина Петровна Бельская

и рождало редкое, счастливое состояние — когда ты лучше, значительнее и интереснее самого себя…

Это-то манило и притягивало людей в редакцию. Здесь ты был интересен, важен и нужен. Здесь ты и чувствовал себя таким. Так незаметно для себя, восторженно и быстро вдруг оказывался на вершине, неважно — горки или горы. И чувствуешь высоту, и чувствуешь восторг и радость.

Когда наступал первый небольшой перерыв в общем, беспорядочном разговоре, шумном смехе от радости встречи, обращались

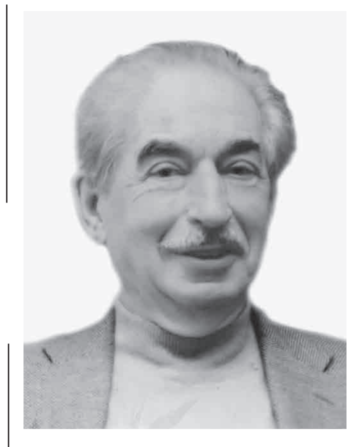
к Зиновию Каневскому — он знал всего Окуджаву и чудно пел, имея небольшой, но очень проникновенный, душевный голос. Это была еще одна общая радость, роднившая людей и сближавшая их. Сам Каневский был любимым автором и ближайшим другом журнала. Человеком легенды.

Он — почетный полярник, полярный исследователь, гляциолог и к тому же — яркий журналист, писатель. Человек высочайшего духа, непостижимого терпения и упорства. И неиссякаемого жизнелюбия. Именно эти качества делали всегда его поступки и слова необычайно важными и значимыми для всех нас.

Невозможно даже вообразить, какие лики обретают подчас грядущие несчастья. За три дня до того злосчастного солнечного утра, когда Зиновий ушел со своим напарником на полярное дежурство на Новой Земле, он только что вернулся с ледникового щита в глубине острова, где они вдвоем, со своей женой Наташей бессменно работали в течение пяти месяцев. Вернулись счастливые, наконец-то желанный отдых! А через два дня подошел начальник и буднично так попросил помочь гидрологу в его наблюдениях с морского льда. Завтра с утра и идти...

Погода прекрасная, голубое небо, солнце, полнейший штиль. Добрались до места, распаковали приборы, начали работу. А на утро... Утра, по существу, уже и не было. Бешеный

Карл Ефимович Левитин

Роман Григорьевич Подольный

ураган — знаменитая бора с температурой ниже –20° — обрушился на Новую Землю. Ревущее белое чудовище заняло все пространство, и места для жизни не осталось. Самолеты замирали в ангарах, а люди в прочных домах замолкали. Кто мог — молил-

Нина Сергеевна Филиппова

Григорий Андреевич Зеленко

Игорь Григорьевич Вирко

ся. Стихия подвластна только богам. Люди бессильны, но не все.

Он полз 20 часов. ДВАДЦАТЬ. Ветер и снег наваливались с такой силой, что мысли о том, чтобы сдаться, прекратить бессмысленный спор и борьбу, подчас посещали его. Застыть, распластаться и заснуть казалось благом. Но он полз. Когда ураган внезапно стих, он был уже недалеко от берега, его спутника нашли далеко в стороне, он был мертв. Зиновий всегда считал, что ему помогла выжить защитная маска на лице, которую в последнюю минута сунула ему в карман Наташа.

Можно представить себе, что переживала молодая женщина, только что простившись ненадолго с мужем, и каждую новую минуту терявшая его навсегда. Можно представить, как почти не покидала больницу, когда он лежал там, как старалась говорить весело и быстро, чтобы он особенно в свои мысли не входил, ожидая операции. Это естественно. Но она уже знала, что у него не будет рук и пальцев ног.

Едва придя в себя после операции, уже зная, что рук у него нет, он увидел ее глаза... Это не ему делали операцию, а ей, не у него нет рук, а у них двоих огромная беда. Но они живы, молоды — ему всего 26 лет! — и вместе. Теперь еще больше, чем раньше.

Когда кто-то говорит Наташе о ее преданности, жертвенности, о ее подвиге, она искренне сердится. И правильно. При чем тут все это?!? Когда любишь, чудеса и подвиги случаются постоянно, и это — самое естественное проявление любви.

Они вместе и заново учились обычным вещам. Шли и шли долгим путем

одоления и привыкания к новым обстоятельствам жизни, не давая передышки и не потакая своим слабостям.

В 1967 году в редакцию пришел подтянутый, чисто выбритый человек, правда, немного напряженный, потом признавался: «боялся, что не напечатаете». Это был Зиновий Каневский. Так мы увидели его в первый раз. Он уже печатался в журнале «Вокруг света», печатал в основном переводы с английского. Но Натан Эйдельман, историк, писатель, друг и член редколлегии нашего журнала и друг Каневского, мудро решил, что Каневский — наш автор, и прислал его к нам.

Сейчас трудно представить себе нашу жизнь без него. Казалось, радость, смешливость, постоянная жажда шутки, усмешки, улыбки — его переполняют. С его приходом мы будто оживали. Поднимали головы от рукописей, стряхивая статейные сюжеты и смыслы, и начинали вторить ему, подыгрывая и смеясь. Его радость жизни была поразительна. Может быть, потому что слишком высокую цену ему пришлось заплатить, чтобы просто жить? Вряд ли. Думаю, и выжил он потому, что был таким сильным, жизнеутверждающим и веселым. Общение с ним было как омовение. От позы, расслабленности, жалости к себе, от душевной лености и малодушия.

И еще, для журнала главное — он принес новую тему — историю Арктики и ее исследователей. Белое безмолвие под его пером вдруг ожило и наполнилось людьми, их героическими буднями, важнейшими событиями — напряженной драматичной жизнью. Он оказался прекрасным исследователем — точным, подробным, достоверным. Героями его становились полярные летчики, метеорологи, гляциологи, люди, о профессии и жизни которых знали очень мало, почти ничего. Каневский открывал их миру, они и сегодня живут в его книгах, статьях. А чтобы их написать, ему приходилось снова и снова отправляться в Арктику...

В своей автобиографической книге он прекрасно передает то ощущение страха, почти ужаса и огромной радости одновременно, когда он решил (а на самом деле, не решался) поехать один, без помощи домашних, в командировку на Север. Как же трудно далось это первое решение! Потом он будет ездить много, и никогда ни одного слова о том, каково это без двух рук ездить, плавать, летать! Так появились его 14 книг и множество статей. И книги хотя бы частично передают обаяние этого человека, его юмор и величие духа, перед которым каждый из нас чувствует себя школяром на выучке у жизни.

И вот сейчас он сидит в редакции, перед ним полная тарелка вкусной еды, он держит черной рукой-протезом вилку с соленым грибочком, а в другой — зажат стакан воды — 14 перенесенных операций не позволяют пить спиртное — и, перефразируя, декламирует Лонгфелло:

«Если спросите, откуда винегреты и салаты

С их мясным благоуханьем,

ясной свежестью горчицы, вкусом сильным и прекрасным.

Я скажу вам, я отвечу.— Тут он делает паузу и, заливаясь смехом, заканчивает.— Из редакции «Знай силой» эта вкусная еда!» Все смеются.

А потом он поет свои и наши любимые песни:

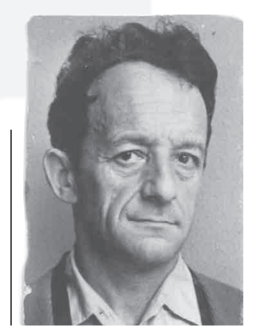
«По Смоленской дороге снега, снега, снега...»

За столом его окружают женщины редакции, лучшая ее половина, как он говорит, великолепный цветник, и он купается в их заботе и внимании. Рядом — Галя Шевелева, тоже, как и Зиновий, с географического факультета, у них — масса общих знакомых, общих тем, планов, тем более, что она — его редактор, и все его статьи идут через нее. Тут же Галя Башкирова, обаятельнейшая молодая женщина, одна из лучших редакторов и очеркистов журнала. Художественно-литературное его качество вырастало в частности, благодаря усилиям ее и ее авторов, например, Молевой Нины Михайловны, прекрасного знатока истории культуры России. Рядом Наташа Федотова,

улыбчивая и привлекательная, специалист по «мелочам», малым формам, которые она подчас делала шедеврами. И тут же Таня Чеховская, блестящий редактор, редактор статей по генетике, прекрасно знающая фантастику, это с ее помощью журнал печатал Стругацких. Тогда их не печатал никто.

Григорий Андреевич Зеленко, редактор старой редакции, долгое время ответственный секретарь, а потом и сам Главный редактор, тоже всегда оказывается недалеко от Зиновия — всегда с вопросами, с выяснениями, его интересуют подробности — или последней поездки, или важной недавней встречи — любопытство его или любознательность не знают границ. Но сколько раз из такого вот застольного разговора рождались, на ходу придумывались темы для статей и целые рубрики!

Зиновий Каневский

Евгений Темчин

Зеленко вообще очень серьезен. Небольшой плакат на дверях его кабинета с надписью «Написанную статью еще можно напечатать, но ненаписанную — никогда», это, пожалуй, единственная дань легкомыслию. Просто говорить ни о чем, болтать он не умел. Интересно, что и улыбаться ему было не свойственно, смеяться — да, но улыбаться — это слишком трудно и редко.

Человек он был экстраординарный. Как говорят иногда, видный,— он и внешне всегда обращал на себя внимание, а тот, кто знал его хорошо, не уставал удивляться глубине его знаний и уникальности мышления. По образованию он был филолог, но при этом — прекрасный специалист, как минимум в четырех научных сферах — в истории происхождения человека, в военной истории, в структурной лингвистике. И в генетике.

Галина Шевелева

Виктор Брель

Однажды мы с Зеленко отправились к известному, но опальному ученому-генетику взять интервью. Началась беседа. С каждым новым вопросом Зеленко генетик становился серьезнее. Наконец, после часа непрерывной бомбардировки, он прервал Гришу вопросом: «Простите, коллега, какая тема вашей диссертации, я что-то запамятовал?»

75 лет журналу «Знание-сила»

Сотрудники журнала: Наталия Федотова, Ирина Бейненсон, Ольга Савенкова, Наталья Малисова, Марина Курячая

Обложка журнала с жирафом — талисманом редакции

Тут, в кои-то веки раз, Гриша улыбнулся:

— Я филолог и, к сожалению, очень поверхностно знаком с генетикой.

— Поверхностно?! Да я завтра же беру вас в свою лабораторию!

Как известно, в Советском Союзе генетика и кибернетика были объявлены лженауками, а попытки ученых заниматься ими считались происками империализма и строго карались — тюрьмами и лагерями. К 1960-м годам этот капкан понемногу ослабевает, и кто посмелее, начинает науками этими заниматься, а журналисты — писать об этом. И первым — журнал «Знание–сила». И главная заслуга в этом Григория Андреевича Зеленко.

А однажды к нам приехал генерал. На черной Волге, как положено, с адъютантом. Приехал по договоренности с Гришей, зная, что у него одна из лучших библиотек по военной истории. Приехал на часок, а пробыл весь день. Дважды им носили чай с лимоном и бутерброды, приготовленные ради генерала. Все ходили на цыпочках, чтобы не мешать, а из кабинета или ничего не было слышно, либо нервная громкая речь, говорили, перебивая друг друга... Слышно было «Вязьма, Курская дуга...» Уходя, генерал громко, чтобы всем было слышно, сказал: «Повезло же вам... Такой кладезь знаний — рядом в кабинете».

И еще одна история про Гришу.

Как-то, в один из вечеров лингвисты-структуралисты, которые недалеко ушли в оценках власти от генетиков, пригласили Григория Зеленко и меня на свои «посиделки» — журнал уже печатал статьи по лингвисти-

ке, и мы хорошо знали многих специалистов — пригласили и разрешили спрашивать все, что душа ни пожелает. Вот тут-то они явно нас недооценили! Потому что весь семинар свелся к ответам на совсем «простенькие» вопросы Зеленко, которым не было числа. Отвечать начинал кто-нибудь один, потом присоединялся другой, третий, и оказывалось, что одинаковых ответов нет. Они уже не отвечали нам, а выясняли между собой кучу интереснейших вещей.

В воздухе так и сверкали шпаги, клинки, метались стрелы остроумия, блеска мысли, мгновенной реакции — догадки, и мы оказывались в атмосфере почти материализованного творчества. Оно совершалось на наших глазах.

Они спорили, доказывали, соглашались, возвращались к началу и вновь спешили к ответу. Это был незабываемый спектакль, где главным героем была мысль, и она не знала удержу, а местом действия — время, многие и многие десятки тысяч лет. Их пролистывали эти талантливые исследователи, словно толстенную книгу, и благодаря этому труду и нашему воображению можно было не только услышать давно исчезнувшую речь, но и увидеть тех, для кого она была родной. Тогда на семинаре присутствовали лучшие из лучших. Назовем тех, кто «делал погоду» в мировой лингвистике,— первым нужно назвать, конечно, Вячеслава Всеволодовича Иванова, патриарха, человека редких талантов и огромных знаний, затем — Сергей Старостин, Владимир Дыбо, Александр Милитарев, Анна Дыбо, Евгений Хелимский, Илья Пейрос, Сергей Николаев, Олег Мудрак. Некоторые из них были постоянными нашими авторами, Саша Милитарев многие годы был нашим другом, и первое публичное чтение его переводов было в редакции, и все, стоя, аплодировали ему после чтения совершенно блестящего перевода «Ворона» Эдгара По. А тогда на их семинаре одной из главных фигур этого «пиршества духа» был Григорий Зеленко.

А сейчас он сидит за столом, сытый и довольный, а все кричат «Синее платьице, синее платьице!» Это значит, что все хотят, чтобы Зеленко пел лирические песни. А у него есть голос, но никакого слуха! Он начинает послушно петь, и все катятся от смеха.

Ничего, что ты пришел усталый и на лбу морщинка залегла.

Я тебя, родного ожидала, много слов горячих припасла...

Смех еще громче. Его «непопадание» в музыку чудовищно! И, наконец, коронное «синее платьице»:

«Бьют часы, ночь идет, сладко спит моя красавица
В этом синем платьице...»

Все плачут от смеха, и первый — Гриша. Правда, это не мешает ему увидеть пробравшегося в комнату кота и помчаться прогонять его.

С котами и кошками отношения у него очень сложные. С чего все началось сейчас и не скажешь. Обычное дело — в наш подвал-редакцию кошки пробирались через форточки и считали редакцию своим домом — здесь они спасались от непогоды, здесь их кормили, здесь кошки... рожали. А потом вся редакция пристраивала котят в хорошие руки. Но вот Гриша не любил это все и гнал котов со страшной силой. А они ему мстили. Да как! Утром, придя на работу, он обнаруживал на своем рабочем столе большую, вонючую лужу. Можно понять его. Сейчас, когда он увлекся поиском одного из негодников, редакция продолжает веселиться,

Сейчас самое время отвлечься, благо народ все прибывает.

В 1965 году в журнал приходит новый Главный редактор, Нина Сергеевна Филиппова, женщина выдающаяся во многих отношениях, и журнал обретает новую жизнь, вступает в свою Золотую эру.

Она была родом из Питера, пережив блокаду, добровольно ушла на фронт... На важных собраниях Общества «Знания», куда с этого же времени был приписан журнал,

обычно все первыми спешили поздороваться с Ниной, а потом спрашивали: «Кто такая?»

Было в ней подлинное величие и властность, это сразу чувствовалось — слов на ветер не бросала, ни перед кем не заискивала, отвечала за все огрехи в журнале сама. В ней не было ни на йоту чванства, зазнайства, начальственного тона или поведения, она была истинным аристократом в своих намерениях и поступках.

«Не знаешь, как поступать — поступай хорошо», — так думала, говорила и поступала наша Нина. Она жила и работала по высокому Кодексу чести, о котором многие из ее коллег, «главных», не имели ни малейшего понятия.

И своей задачей сразу поставила — сделать журнал подлинно научно-популярным, литературно-художественным и главное — либеральным. Свободным от линии партии, ее догм и идеологии. Это было — ой, как не просто. Дважды ей грозило исключение из партии, и дважды она лежала в больнице в предынфарктном состоянии. Один раз потому, что в апрельском номере, в месяц рождения Ленина, на обложке журнала красовался слон... При такой форме власти трудно было просто выживать, а создать свободный журнал — сказки. Но ей это удалось.

Первое — надо было собрать коллектив единомышленников. Способных, неординарных единомышленников.

Нина прекрасно знала, что главная фигура в печатном издании — редактор — от его кругозора, широты мышления, образованности, вкуса, способностей, своеобразия — перечислять можно долго — но именно от всего этого зависит наполнение, содержание журнала.

Культура, талант и порядочность редактора, если совсем коротко, определяют качество издания. И тут никак нельзя промахнуться, иначе все твои усилия пойдут насмарку. И она приступила к делу.

Как-то рано утром в ее кабинет в «Литературной газете» (она работала там до нашего журнала) постучали и вошли двое молодых людей. Один — высокий, элегантный, чем-то сразу обращающий на себя внимание, начал вести очень изысканную речь. Не будет ли Нина Сергеевна так добра и любезна и не даст ли она задание ему и его другу, чтобы потрудиться на ниве столь уважаемого журнала.

Нина усмехнулась.

— А писать вы умеете или только говорить? Где-нибудь печатались?

— Да, в школьной стенгазете.

Нина рассмеялась. Его юмор был ей интересен. Так авторы с ней не говорили.

— И о чем же собираетесь поведать миру? — она включилась в игру.

— Интервью с Виннером. Хотите?

Норберт Виннер, отец кибернетики, гений. Какое интервью? Явно перегибают палку ребятки, но вида Нина не подает и отвечает естественно и даже капризно.

— Хочу-у.

— Ваше желание для меня закон, королева.

Утром, назавтра на ее столе лежало интервью с Виннером. Ни одного знака невозможно было изменить, редактор не требовался. Автором был Карл Левитин.

А для него она так и осталась навсегда королевой.

Она пригласила Карла в «Знание–сила» как только стала Главным редактором. И он не обманул ее интуицию. В редакцию он привнес не только свои темы, но и свой стиль поведения, свои представления, свой взгляд на мир. Человек парадоксальный, он о серьезном всегда говорил с усмешкой, отстраненно, как бы со стороны, не желая отягощать людей лишними заботами, уверенный, что со своими — следует справляться самому.

И наоборот, о смешном, шуточном — всегда серьезно, считая шутку, игру делом чрезвычайно важным и саму жизнь понимая как Большую игру со своими правилами и исключениями из них. Мелочь для него подчас становилась важнее важного, а статья, например, когда писалась, неизвестно, но главный принцип — никто не должен видеть и даже догадываться о по-

те труда — соблюдался в полной мере. С его приходом подсознательно у многих «посыпались» всегдашние их стереотипы, которые теперь становились тривиальными, плоскими. Редакция явно, ни на минуту не догадываясь об этом, подпадала под левитинское обаяние и влияние.

А поздно, уже часам к десяти, подходили «инопланетяне». Это в Клуб инопланетян, к Роману Подольному, который организовал этот Клуб и был главным его участником. Роман — один из трех фигур Триумвирата — Зеленко, Левитин и Подольный. Хребет журнала «Знание–сила», человек феноменальной памяти и самых разнообразных знаний. Разбуди его ночью и спроси номер телефона автора, десять лет назад печатавшегося в журнале всего один раз, и он тут же ответит и продолжит сон. Можно не проверять, его ответ будет правильным. И это не только номера телефонов. Спроси Рому, кто был родственником ну хотя бы Андрея Боголюбского по женской линии, он не задумываясь, тут же всех назовет. Когда в редакции не было физика, Роман заменил его, и как выяснилось впоследствии, никто не заметил подмены. Прекрасный знаток фантастики. Благодаря ему журнал регулярно печатал фантастику, в частности Игоря Можейко с псевдонимом Кир Булычев.

Все мы, чтобы не ходить за Энциклопедией, пользовались постоянно этим его божьим даром, и уже не проверяли — Рома не ошибался. Натан Эйдельман, блестящий историк, тоже обладавшей прекрасной памятью, но другого свойства, устраивал с ним соревнования и ... увы, часто проигрывал. Роман не имел телефонных книжек, ни дневников, он все держал в памяти. Он мог сказать, например, сколько стоила баранина десять лет назад, или буханка черного хлеба. Мы не уставали удивляться. Быть может, благодаря этому своему свойству, он кучу всего успевал — писал книги, статьи, придумывал рубрики, прекрасно и много играл в шахматы, имел разряд. Он был по образованию историк, очень активно жил в журнале, много писал сам. И вот — придумал Клуб.

Все, кто приходил, были люди не случайные, не с улицы. В основном — научные работники, математики, физики, историки, люди не глупые, серьезные, но сильно «ударенные» мыслями об НЛО. Они и собирались, чтобы еще раз (уже в который!) сказать, что НЛО — реальные объекты, что они видели их собственными глазами, и тут нечего спорить: раз они видели, значит — они есть. Никто с ними и не спорил, и именно поэтому они так спешили сюда, потому что постепенно успокаивались — нервность и лихорадочность во взоре проходили. Им нужна была эта передышка, и здесь они ее находили.

Наша бессменная «хозяйка большого дома», Ира Бейненсон, приносила им чай с остатками торта, и жизнь инопланетян совсем налаживалась.

Ира, еще один удивительный человек редакции. Много лет назад, когда ее дочке Саше было три года, они с мужем, дочкой, мамой и братом жили в маленькой хрущевке и, конечно, мечтали о своем отдельном жилье. И вдруг оно замаячило — ее пригласили работать в издательство «Молодая гвардия» с квартирой в конце года. Радости не было конца. Уже мысленно покупали и расставляли мебель, мечтали о люстре — жизнь обретала краски. И вот, в один прекрасный день приходит их приятель, внештатный автор журнала «Знание– сила» и говорит, что Главный редактор Нина Сергеевна Филиппова ищет младшего редактора и хочет взять Ирину — о ней она понаслышана и, судя по всему, она наш человек и редакции подойдет. Тут — немая сцена... Приходит с работы муж, Слава, она рассказывает, а он, не дослушав, «И ты еще думаешь?! Да будет у нас квартира, будет! А вот такой редакции больше никто не предложит. Такое — только один раз». Ира счастливо вздохнула.

И с тех пор, уже с незапамятных времен, она здесь.

Сейчас все разойдутся, разбегутся, разъедутся, а она останется —

мыть посуду холодной водой, убирать со стола огрызки, окурки, объедки, заметать затоптанный пол... Интересно — ее никто не уполномочивал мыть и убирать. Она секретарь, и уборка в ее обязанности не входит. Возможно, в больших дружных коллективах и есть тот, кто первым вскакивает открыть дверь или подойти к телефону. Кто побежит в аптеку, если у кого-то заболела голова. Принесет чай и найдет какой-то бублик, если человек измучен и устал. А от авторов и забредших читателей — ой-ой-ой, как устаешь порой. И все равно, такие люди — большая редкость и везение. Ира — такая. Первая помощь. И улыбка журнала. Потому что все это, «лишнее» делается с улыбкой. Без всякого напряжения или неудовольствия и усталости. Потому что ее принцип жизни не «Почему я? Мне что, больше всех надо?» — а совершенно противоположный — «Кто, если не я? Почему кто-то другой, а не я?»

Но сегодня Ире повезло. Только она взялась за свое многотрудное дело, пришел Брель — наш фотокорреспондент — возвратился с вечерней съемки. Пришел, сбросил коробки, сумки, камеры и встал рядом с ней — мыть и разговаривать. Золотой человек, Брель! С ним все хорошо и просто — «работает волшебником» постоянно — сломанные краны, протекшая крыша, перегоревшие лампочки, сломанный бачок в туалете и тысяча других домашних неприятностей, которые сваливаются внезапно и останавливают рабочий ход жизни — Брель запросто отводит руками, словно паутину в старом лесу. Тоже с улыбкой и без разговоров. А мог бы что-то и сказать — этот знаменитый фотограф с мировым именем и неиссякаемым талантом! Нет, только улыбается. В День его рождения мы ему написали:

Ах, Брель, наш любимый!
Ты дан нам на счастье,
Чтоб жили с тобой и не знали
ненастья.
Миры создает — творит и смеется!
Таков талисман, что Брелем зовется.

Виктор Брель — из немцев Поволжья. Жили в чистом домике с геранью и крахмальными занавесками на окнах. Отец, мать и два мальчика. Перед войной Вите было четыре года, брату Вилену — на год больше. Началась война. Отец ушел и пропал — больше его никто не видел.

Мать и детей раскидали самовольно, кого куда, благо русского языка они не знали. Витя оказался в приюте, и матери понадобилось двадцать лет, чтобы найти своих детей. Но это было еще благо — она могла вообще не увидеть Витю, потому что в шесть лет он умер. Полез на дерево и упал. И сломал позвоночник. Местный врач установил смерть, и тело положили в морг.

Но вот тут поистине вмешалось провидение. Проездом именно в это время здесь оказался врач из соседнего города, и он по ошибке открыл дверь в морг. И в это самое мгновенье на его глазах простыня, которой был прикрыт маленький труп, дернулась. Врач тоже дернулся и кинулся к ребенку. Тот еще дышал. Врач спас его, немецкого мальчика. Спас так, что всю оставшуюся жизнь Брель таскал на сломанной спине непомерные тяжести. Однажды с Южного Урала в рюкзаке на спине приволок аммонит. Его с пола-то не приподнять. И никогда не жаловался.

«Ты иди,— это он Ире,— а я все приберу и здесь заночую — мамочка уже спит, не хочу ее будить». Иначе, как «мамочка», он свою маму не называл, любил безгранично, за все годы без нее...

В редакцию попал почти случайно — брат попросил показать редактору его фотографии. Брель показал, но они не произвели впечатления. Тогда он показал пару своих, случайно оказавшихся,— не думал ничего свое показывать — работал успешно, был хорошим скорняком, и профессия ему нравилась. А на них-то как раз Нина Сергеевна и обратила внимание. Глаз у нее был точный. И редкая интуиция. Она поняла абсолютно верно — Брель самородок. Его никто не учил и нигде он не учился, но бы-

ла в нем потрясающая способность в малом видеть большое. Сотни людей проходили мимо цветка, проросшего сквозь асфальт — Брель показал его так, что каждый увидел в нем символ. Символ преодоления, символ победы, упорства и красоты.

Однажды к сентябрьскому номеру он захотел на обложку поместить глобус. Решил и поехал на фабрику, где они рождались. Приехал, а у них — короткий день. Все закрыто, никого, кроме сторожа нет. Обидно. Стал ходить вокруг дома, думать, как быть — на завтра откладывать не любил. И вдруг увидел целый мешок глобусов, прислоненный к гладкой стене! Лучше не придумаешь. Вот она — обложка! Почему? Как рождается это озарение, свое особое видение? Неизвестно. Но обложка обошла весь мир. И каждый понял ее по-своему, а значит — у нее было много смыслов, которые первым увидел Брель. Или Золотая пектораль. Я вела тогда в журнале археологию и по счастливой случайности участвовала в раскопках Толстой могилы под Днепропетровском. Туда приехал и Брель. Именно его Пектораль, снятая на растресканной земле, печаталась, когда говорили о раскопках года, самого значительного археологического открытия.

Очень скоро обложки Виктора Бреля становятся фирменным знаком журнала, по ним узнают журнал, находят, собирают, коллекционируют.

Но здесь, справедливости ради, надо сказать, что художественный имидж журнала создавал не только Брель, его создавали лучшие художники того времени — Кабаков, Эрнст Неизвестный, Жутовский, вся Люберецкая группа, именно те, кого называли антисоветчиками, абстракционистами — это было ругательное слово. Но наш художественный отдел — Главный художник Юра Соболев и художественный редактор Александр Михайлович Эстрин, отличные профессионалы с великолепной художественной интуицией, безошибочно угадывали настоящее дарование. Их никто не печатал, Нина Сергеевна печатала. Они бедствовали, и работа в журнале, пусть небольшая, их спасала часто чисто физически. Журнал их привечал, любил и всячески поощрял. Но именно художники, вернее их произведения в журнале, стали причиной вызова Нины «на ковер» — и опять нависла угроза исключения из партии...

А Брель — человек увлекающийся, сказочник, фантаст, одним словом.

— Ты к художникам заходила? — спрашивает меня однажды.

— Нет,— отвечаю.

— Тогда слушай, что случилось. Иду я по Брюсовскому переулку, и вдруг слышу хорошо понятные звуки — здоровая круглая кувалда, раскачивается и бьет с сильной яростью по беззащитному дому. Рушит его быстро и ловко. Когда я подлетел, оставалась одна стена с крышей подъезда, которую держали атланты. Я заорал так, что проезжавший грузовик остановился, оттуда выскочил молодой водитель и стал ругать меня, что не вижу, дескать, куда прусь. А я ему в это время про атлантов, что никак нельзя допустить, чтобы они погибли. Они держат землю! «Помоги, друг»,— говорю. И что ты думаешь? Уговорил сначала шофера, а потом, за деньги, конечно, этих разрушителей. Отдали мне атлантов, и шофер же этот в редакцию их и привез. Можешь представить? Чудо! Какие красавцы».

Находками Бреля наполнена вся редакция. Поэтому когда кто-то приходит новенький, он не сразу понимает, туда ли он попал, а поняв все-таки, совершенно изумленный, забывает, зачем пришел.

Здесь и антикварные лампы, и огромные океанские раковины, и рукодельные игрушки, и причудливые ветви и корни, и... шлем водолаза 1923 года... Теперь вот атланты. Это не музей точно, но вот — такая редакция! И все это — в особняке XVII века, то есть в жилом доме, а не церковном помещении. Таких домов в Москве — по пальцам перечесть. Но до середины прошлого века он стоял заброшенный, а время подтачивало и разрушало его. Потом вдруг решили все-таки

реставрировать, ремонтировать. Еще через годы закончили работу, но тут оказалось, что всесильный заказчик к этому времени полностью разорился, и дом остался бесхозным. Тут — мы, орган Всесоюзного Общества «Знание» и в подвале, как-то неудобно. Словом, на редкость повезло — летом 1984 года мы въехали в это историческое здание.

Сказать «въехали» — сильно преувеличить. Нужно было сначала найти, куда поставить ногу. Потому что все те годы, что велись реставрационные и ремонтные работы, мусор не убирали. Его были горы, монбланы и эвересты. Через день устраивали субботники. Работали, не зная отдыха, с радостью — такой Дом — и наш! Нина Сергеевна в первый же день сказала мне: «У вас астма, найдите работу полегче». Сама Нина была в первых рядах.

Время в работе летело мгновенно. Кажется, прошла золотая осень и холода наступили внезапно. Ноябрь оказался снежным и ветреным. Особняк не отапливался, и мы страшно мерзли, надевали на себя все, что можно, а иногда включали рефлектор. В такой пасмурный, холодный день пришел незнакомец — улыбчивый, приветливый. Сказал, что из Новосибирска, из Академгородка. Что читает и любит журнал с детства, и вот, очутившись в командировке в Москве, решил прийти в редакцию, увидеть своими глазами тех, кто делает это сокровище, предложить, может быть, какие-то темы для статей. Словом, хочет познакомиться. Снял пальто, поправил свитер и вместе с Карлом вошел в нинин кабинет.

Очень скоро раздался сильный треск, вспыхнула искра, и пальто гостя, которое он повесил как раз над рефлектором, на глазах исчезло — сгорело. Химический запах горелой синтетики заполнил все помещение. Мы онемели.

Из кабинета Главного раздавался смех, слышны были веселые голоса, встреча, как видно, удалась. Первой нарушила молчание Ира. «Надо скинуться и купить ему пальто». Все молча полезли в свои сумки, портфели, потом в семейную и редакционную кассу. Деньги собрали, положили в конверт и стали ждать. Наконец, дверь распахнулась. Гость, еще продолжая смеяться, вдруг заметил: «А у вас тут капитально что-то сгорело». «Даже не представляете, насколько капитально,— сказал Роман.— Сгорело ваше пальто». Последовала минутная пауза, а потом — радостный смех. «Да не может быть! Знали бы вы, сколько раз мысленно я мечтал, чтоб оно сгорело! Оно уже лет десять, как не дает мне покоя! Жуткое творение бездарных портных». Карл перебил его «Так в чем дело? Едем покупать новое». И они поехали. И купили. Радости гостя, как рассказывал Карл, не было предела. Купили то, что он хотел, то, что ему понравилось. И денег хватило.

Прошлое нельзя отменить. Переврать в угоду властям, забыть, не разобраться или не понять — можно, но отменить нельзя. Уходя от него в будущее, не забывая оглянуться назад и всмотреться, мы видим его на том же месте в бесконечной реке времени — месте светлом или темном, глубоком или мелком, штормовом, грозном или спокойном, ровном. Наше прошлое. Без него человек лишается ориентиров, корней, нравственных основ, представлений о своих собственных качествах и особенностях. Он теряет свою специфику, превращаясь в послушного и покорного человека толпы, манкурта. И это случиться может с целым народом, потерявшим право в этом случае им называться. Наверное, это самое страшное, что может произойти. Даже жестокие войны не приводят к таким результатам, как беспамятство.

Журнал «Знание–сила» на протяжении всей своей истории как раз с ним-то и боролся, пытаясь сохранить и сохранял высшие достижения научной мысли и проявления человеческого духа.

Сегодня мы вспоминаем с благодарностью тех, кто видел в этом смысл жизни, отдавая должное их способностям и особенностям.